

СЕРГЕЙ КРЕМЛЁВ

ДО ВСТРЕЧИ
В СССР!

ИМПЕРИЯ ДОБРА

Сергей Кремлев
До встречи в СССР!
Империя Добра
Серия «До встречи в СССР!»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6702689

Кремлёв С. До встречи в СССР! Империя Добра : Яуза-пресс; Москва;

2013

ISBN 978-5-9955-0694-2

Аннотация

Эта держава оболгана и ославлена как «Империя Зла». Эта страна предана, расстреляна и разграблена иудами-мародерами. Светлую память о великой Советской эпохе вытаптывают и выжигают вот уже более 20 лет. Еще немного – и «прославление СССР» объявят «экстремизмом», а красная ИМПЕРИЯ ДОБРА окажется под полным запретом – как пытаются сейчас запретить правду о Сталине. А там рукой подать и до судебного преследования неугодных... Думаете, мы сгушаем краски? Считаете такое невозможным? Но в Прибалтике и Восточной Европе советская символика уже объявлена вне закона, а за отрицание «преступлений тоталитарного режима» смельчакам грозит тюремный срок! И все же, несмотря на клевету и угрозы, вопреки тотальной лжи и «либеральной» цензуре, ВЕЧНЫЙ

ЗОВ СССР слышен каждому, кто сохранил живую душу, чистые руки, горячее сердце и незапятнанную совесть, а правда о СВЕРХДЕРЖАВЕ ДОБРА прорывается через все преграды и запреты. Доказательством чему – эта книга. А значит, великий Советский Союз еще восстанет из пепла, смертью смерть поправ!
ДО ВСТРЕЧИ В СССР!

Содержание

О названии и сути книги	5
Часть I	13
Глава 1	13
Глава 2	27
Глава 3	42
Глава 4	62
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Сергей Кремлёв

До встречи в СССР!

Империя Добра

*Памяти моего отца, Тараса Константиновича
Брезкуна (1924—2009), гражданина СССР с 1924
года и члена ВКП(б)-КПСС с 1949 года*

О названии и сути книги

ЭТУ КНИГУ, как и любую другую книгу, может открыть читатель разного возраста с разным жизненным опытом и, что немаловажно – с разным имущественным положением. И в зависимости от возраста, опыта, а также, что немаловажно, в зависимости от имущественного положения, восприятие прочитанного может быть тоже разным: от полной поддержки мыслей и идей автора до полного несогласия с ними.

Хотя можно ли сегодня, имея открытые глаза и честно глядя ими в мир, не соглашаться с утверждением, что в мировой истории не было другого общества, где идеи Добра, Разума и Человечности были бы реализованы так полно, как это было в Союзе Советских Социалистических Республик?

Да, идеи Добра не были в СССР реализованы полностью и бесповоротно – иначе он существовал бы по сей день. Но

всё же в СССР эти великие идеи имели государственный статус, активно воплощались и во многом *воплотились* в жизнь! Из области прекраснотушних вековечных мечтаний гуманистов принцип «человек человеку – друг, товарищ и брат» в Советском Союзе перешёл в конституционную норму общественного бытия.

И это – не мнение.

Это – факт!

Впрочем, об этом и многом другом мы ещё поговорим. А сейчас автор хотел бы объяснить читателю, как рождалось название книги. На обложке обозначено: «СССР – Империя Добра», и такое название было *сразу* предложено автору издателями вместе с предложением написать книгу об СССР. Однако окончательным это название стало не без длительных моих раздумий, исходной и конечной точкой которых оказалось звучное и неоднозначное слово «Империя»...

Идея сделать книгу «СССР – **Империя** Добра» вполне понятна. На Западе давно стремились представить Советский Союз некоей «Империей Зла», а после инцидента со сбитым над Тихим океаном южнокорейским «Боингом» такая формула по адресу СССР стала в речах американских президентов чуть ли не стандартной. Президент Рейган отошёл от неё только тогда, когда силы Мирового и Внутреннего Зла затеяли в СССР то, что сами они фарисейски называли «перестройкой», а политолог Александр Зиновьев метко определил как «катастрофку».

Поэтому мысль уже названием книги противопоставить лжи об СССР правду была вполне логичной и разумной. И всё же, даже начав писать книгу, я колебался – уложится ли её концепция в выбранное название? Дело в том, что понятие «Империя Добра», как и «Империя Зла», порядком затаскано самыми чёрными силами в мире. Особенно здесь постарались Соединённые Штаты. Очень уж часто эта империя несомненного Зла провозглашала «Империей Добра» себя. Так стоит ли относить после этого такое понятие к Советской России – в лоб и без рассуждений? Вспомним о свастике! До начала XX века она была вполне привлекательным символом вечного движения Солнца. А с какого-то момента...

Ну, сами понимаете!

Кроме того, хотя сегодня то и дело говорят об СССР, как о павшей *империи*, даже старую, царскую Россию вряд ли можно было назвать империей – если иметь в виду современное понимание этого слова, которое предполагает наличие имперской метрополии и колоний. Разве можно сравнивать Российскую империю даже Николая Второго с безжалостной к туземцам Британской империей XVIII—XX веков? С безжалостной к народам мира современной Северо-Американской империей, откуда сегодня исходит основная угроза будущему планеты? Причём эти империи – как и Французская колониальная империя, Голландская колониальная империя – складывались не один век.

Что же до России, то она приняла на себя наименование

империи по поводу вполне конкретного исторического события. 22 октября 1721 года, после окончания Северной войны и заключения Ништадтского мира, канцлер граф Головкин на торжественном заседании Сената обратился к Петру от имени Сената с просьбой принять титул «Отца Отечества, Петра Великого и Императора Всероссийского». Пётр принял лишь звание императора, что и дало петровской России имперский статус.

Этим актом закреплялось новое европейское положение России. Однако Российская империя стала единственной империей в мире, которая развивалась и жила не под знаменем агрессии и захватов, а под знаменем создания широкого сообщества народов, самой историей и географией объединённых вокруг России.

Вооружённые силы Российской империи приходили в Берлин в ходе Семилетней войны, в Париж в ходе наполеоновских войн и позднее – вновь в Берлин, а также – в Вену, Будапешт, Прагу, Варшаву, Белград... Но они всегда уходили из Европы, не пытаясь включить чужие, не входящие в Российское Геополитическое пространство, земли в состав России. Даже в периоды правления в России ничтожных монархов, типа Александра Второго или Николая Второго, подлинному духу русской государственности отвечало не имперское, а *державное* мышление! Надеюсь, читатель улавливает разницу, и последняя мысль в развёрнутом комментарии не нуждается.

«НЕ БУДЕТ ли принижением смысла, значения и предназначения России её определение как *империи* – даже и Добра?» – размышлял я. Вот Екатерина Великая называла Россию *Вселенной*. Как точно! Как глубоко! И с какой любовью к России и к её народам это сказано! Однако название «СССР – **Вселенная** Добра», хотя и понравилось мне, выглядело туманно.

Может быть, назвать книгу: «СССР – **Страна** Добра»? Без иносказаний, без пафоса – просто, но – по сути. Не было в истории мира другой страны, где несколько десятилетий подряд активные сторонники и приверженцы Добра не только насчитывались миллионами (если – не десятками миллионов), но и задавали весь тон жизни в стране и ритм её свершений и успехов! Пусть это было не очень долго. Но это – было!

Однако в итоге я остановился на том названии, с которого работа над книгой и началась. Термин «империя» возник в Древнем Риме и восходит к латинскому слову *imperium* – «высшая власть». А в СССР – кто бы и что бы ни говорил! – высшая власть принадлежала Добру, и вот в этом смысле СССР вполне можно и уместно назвать Империей Добра!

Более я не раздумывал. Книга обрела своё окончательное название, и можно было продолжать работу над ней.

Теперь она перед тобой, уважаемый мой читатель. И я надеюсь, что ты прочтёшь её, помня о том, что где бы ты ни

жил – в Москве или в Одессе, в Ташкенте или в Тбилиси, во Владивостоке или в Рязани – твоя (или – твоих родителей, если тебе восемнадцать или меньше лет) Родина – Союз Советских Социалистических Республик. Формально этого государства *пока* нет на картах, но у тех, кто родился до лета 1991 года, на свидетельстве о рождении и сегодня стоят четыре ёмкие, гордые и великие буквы «СССР».

Эти буквы были и остаются символом той вселенской Страны Добра, на которую давно ополчились все силы Мирового Зла.

Сделать книгу об СССР... Эта задача сегодня, пожалуй, не столько сложна – сегодня она, скорее, даже проста, сколько объёмна. В третьем, «брежневском», издании Большой Советской энциклопедии, отпечатанном на хотя и плотной, но достаточно тонкой бумаге, отдельный том «СССР» весит примерно три килограмма. Но и там приведены лишь основные сведения, да и то – далеко не все. Для того, чтобы дать полную картину зарождения и развития Русской Вселенной, центром которой стал в XX веке Советский Союз, нужна отдельная многотомная энциклопедия! И она, возможно, рано или поздно будет написана.

Что же до моей книги, то это – скорее размышления на тему о России и мире, в котором есть Россия, о её судьбе и воплощении Русского Начала в той Стране Добра, которая сегодня унижена и наполовину уничтожена Мировым Злом.

Я НЕ НАМЕРЕН в этой книге *подробно* анализировать – почему так произошло. Не склонен я и к тому, чтобы заняться оправданием тёмных и грязных сторон в жизни позднего СССР. Я подчёркиваю – *позднего*, потому что для СССР конца тридцатых – начала пятидесятих годов социальная грязь не была сильно значащим явлением. Для СССР первых довоенных и послевоенных пятилеток был характерен небывалый ранее в мировой истории массовый социальный энтузиазм. Как Страна Добра Советский Союз начал быстро деградировать где-то с начала «брежневских» семидесятих годов, хотя многие черты масштабной деградации были характерны уже для поздних «хрущёвских» лет жизни СССР.

Я не склонен оправдывать то, что оправдывать нельзя, но замечу, что если ранее, в СССР – даже в позднем СССР, гражданское общество *жило* доброй жизнью, которая омрачалась идиотизмами перерождающейся «партоплазмы» или дряхлеющей партократии, то сегодня – в «России», гражданское общество, *умирая*, влачит жалкое существование, социальная гнусность, кретинизм и идиотизм которого скрашены остатками той человечности, которую заложила в нас бывшая Страна Добра.

В ходе своего рассказа об СССР я не буду привлекать многочисленную статистику, хотя не собираюсь полностью обойтись без неё, как и без ряда цитат и фактических сведений. Но сразу скажу, что я не ставил целью охватить все стороны темы «СССР». Да и возможно ли такое в рамках одной, к

тому же – не очень объёмной – книги?

СССР, как и вырастившая его Россия, – это целая Вселенная.

А можно ли объять необъятное?

Часть I

Рождение русской Вселенной

*Русь моя. Жена моя. До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь – стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь...
И вечный бой! Покой нам только снится,
Сквозь кровь и пыль
Летит, летит степная кобылица,
И мнёт ковыль...
Александр Блок*

Глава 1

Когда зародился Советский Союз?

30 ДЕКАБРЯ 2012 года исполнится без десяти лет век со дня рождения государства, которое – как казалось одно время всем – будет лишь укрепляться и развиваться, но которое, совершив немотивированное цивилизационное самоубийство, прекратило существование на семидесятом году своей жизни.

Это государство, юридически образованное 30 декабря 1922 года в Москве, имело самое человеческое и доброе в ми-

ровой истории название – Союз Советских Социалистических Республик.

Кратко – СССР.

Каково значение этих четырёх ёмких и великих слов? Пожалуй, наилучшим образом на этот вопрос можно ответить, обращаясь к нормативным изданиям – словарям.

Итак...

Союз... В «Словаре русского языка» Сергея Ивановича Ожегова это слово объясняется следующим образом: «1. Тесное единение, связь классов, групп, отдельных лиц... 2. Объединение, соглашение для каких-нибудь совместных целей... 3. Государственное объединение... 4. Общественное объединение, организация».

Есть и ещё одно значение слова «союз» – в грамматике это служебное слово, служащее для соединения предложений и слов внутри предложения.

То есть смысл русского слова «союз» в любом его значении – объединение, стремление к общности и достижение общности и согласия. К слову, понятие «организация» (от французского *organisation*, восходящего к греческому *organon*, то есть «орудие, инструмент») в соответствии со «Словарём иностранных слов» означает, кроме прочего, «объединение чего-либо или кого-либо в одно целое».

Советских... Тот же Ожегов объясняет слово «советский» так: «1. Относящийся к государственной власти Советов, свойственный, принадлежащий стране Советов... 2.

Преданный задачам социалистического строительства, интересам страны Советов, выражающий эти интересы...» В «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля слово «советский» тоже имеется и трактуется как «к совету, как к учреждению относящийся». Но наиболее полно в словаре Даля разъясняется сходное слово «советный»... Однако об этом я скажу отдельно чуть позже.

Социалистических... Слова «социализм», «социалистический» происходят от латинского *socialis*, то есть – общественный, товарищеский.

Республик... Слово «республика» – тоже от латинского *Res publica*, общественное дело.

Ни до, ни после образования СССР не было в мире ни одного государства, в названии которого так мощно и повелительно звучала бы тема товарищеского, добровольного объединения людей, тема их доброй общности, дружбы и созидательного сотрудничества во имя добрых целей!

Чтобы лишний раз доказать это, я вновь обращусь к авторитету Владимира Ивановича Даля. В его словаре мы находим такие трактовки слова «союз»: «взаимные узы, связь, скрепа, соединенье, смык, сцепленье», «союз в значении тесной связи меж людей, дружба, товарищество, условное согласие, завет, соединенье двух или многих для известной цели...». Даль даёт к слову «союз» такие примеры: «Держаться союзно, вместе, вкупе, не расходиться врознь; жить союзно,

в согласии, в дружбе».

Для слова «совет» у Даля находятся следующие определения:

«— совещание, сход или съезд людей в условное время для совместного обсуждения дел...;

— любовь взаимная, лад, мир, согласие, дружба (примеры: «Дай Бог любовь да совет!», «Как любовь да совет, так и горя нет», «Не советом жить, много грешить»)...

— согласие и соглашение...».

Есть у Даля слово «советность» — «доброхотство и дружелюбие, ласка, мир и тишина, вообще лады в семье».

Есть слово «советный» — «доброхотный, дружелюбный, согласный, в ладах живущий» с примерами «Советное житьё, согласие», «Советное слово — благое, дающее добрый совет / ласковое, дружеское», «Советно жить, ни о чём не тужить», «Хоть тесно, да советно», «Где советно, там и любовно»...

Впрочем, у Владимира Ивановича Даля есть и слово «советский»... Конечно, оно у него имеет значение намного более узкое, чем в словарях Сергея Ивановича Ожегова, Дмитрия Николаевича Ушакова, и означает: «к совету, как к учреждению относящийся».

Даль даёт и примеры в слову «советский» — «Государственный Совет», «Совет министров».

Заметим, что лишь в России (а затем — в СССР) высший исполнительный орган, Правительство, назывался «СОВЕТ

министров», а не «Кабинет министров» – как на Западе.

Антисоветский, то есть – антиобщественный, разъединительный, враждебный миру, дружбе, ладу и согласию – смысл нынешней «Россиянии» проявился и в том, что она презрительно отменила старую русскую традицию и сегодня правительство не называется «Совет министров», зато в ходу – вполне «демократический» «кабинет министров».

Мудрый Владимир Даль советовал нам «держаться союзно, вместе, вкуче, не расходиться врознь; жить союзно, в согласии, в дружбе». Ведь только живя так, мы будем жить по законам Добра – как жили мы в Союзе Советских Социалистических Республик, в СССР.

Увы, силы Мирового Зла оказались изошрённое сил Добра, и Советская страна пала. Однако она может и должна возродиться, потому что Добро всё же сильнее Зла. Если было бы иначе, на Земле уже давно существовало бы лишь одно Зло. А ведь оно хотя и сильно, но не всесильно. Добро из века в век не погибает, а из века в век продолжается.

И в этом – шанс и надежда мира.

А наиболее обширной зоной Добра издавна была Россия. Поэтому Советский Союз фактически зародился задолго до того декабрьского дня 1922 года, когда он был провозглашён официально. Но понимаем ли мы, знаем ли мы, насколько глубоки и прочны в русской земле корни Страны Советов? Сегодня далеко не каждый подросток с ходу скажет, кто такой Юрий Гагарин, не говоря уже о Николае Щорсе, Оле-

ге Кошевом или Германе Титове. И многие ли сегодня ответят – что давали в общий союзный «котёл» Литовская, скажем, или Таджикская ССР и что давал им, в свою очередь, Советский Союз?

Тем более сложно будет получить от многих, особенно – от молодых людей, ответы на вопросы: «Где истоки СССР? Когда и как он зародился и на какой базе возник?» Ведь для того, чтобы дать верный ответ, надо знать не только историю СССР, но также историю России.

В ИСТОРИИ МИРА мы имеем ряд как исчезнувших, так и по сей день благополучно существующих выдающихся государств, созданных великими народами. Их история и жизнь интересны и поучительны, как, впрочем, интересны и поучительны – на свой лад – история и жизнь вообще любой страны, любого народа мира. Даже в современной Империи Зла – Соединённых Штатах Америки есть много такого, что нам не мешает учесть и перенять. Даже в Соединённых Штатах Америки живут миллионы людей, которым самый достойный и заслуживающий самого глубокого уважения человек не постыдится пожать руку.

Но в мировой истории имеется лишь одно великое государство и лишь один великий народ, которые выделяются среди других особой человечностью и особой, лишь им свойственной судьбой.

Государство это – Россия.

А народ – русский.

Конечно, свою самобытную судьбу имеет каждый великий и даже не очень великий народ. И нередко судьба одного народа оказывалась прямо и тесно связанной с судьбами остального мира. Классический пример – древние греки. Они дали человечеству такой выдающийся цивилизационный импульс, что мы и сейчас испытываем всестороннее влияние их культуры – через три тысячелетия после её зарождения.

Или, скажем, германская наука и культура – продукт гения немецкого народа. Они мощно продвинули мировое развитие, как и наука и культура английская, французская – продукт гения английского и французского народов.

Но из всех великих народов только русский народ имеет *жертвенную* судьбу. Ни один другой великий народ не испытал на своём историческом пути такого числа трагедий и падений, ценой которых были благо и развитие других народов. Первые жертвы были принесены нами на алтарь мировой цивилизации уже в период зарождения русского народа и раннего Русского государства. Это не был, конечно, осознанный жертвенный порыв – просто территория, на которой начали складываться государственные объединения русских славян от озера Ильмень до Днепра, оказалась той преградой, о которую предстояло разбиться потоку кочевников Дикой степи. До Европы этот поток если и добежал, то лишь слабыми

ручейками. Потопа Европа не испытала, и за русской спиной могла развивать свои силы всемерно и непрерывно.

А мы?

А мы в своём развитии были насильственно заторможены на добрых три сотни лет.

С нелёгкой руки сына Ахматовой – Льва Гумилёва и ему подобных получила хождение безответственная «теория» о некоем якобы положительном значении для Руси монголо-татарского ига. Чтобы не уйти от основной темы книги слишком уж далеко, просто перечислю основные «заслуги» степных «культуртрегеров» («носителей культуры») в сохранении ранней русской цивилизации за первые четыре года нашествия Батыя, с 1237 по 1241 год.

Вначале – взятие и разрушение Рязани, Коломны, Москвы, Владимира, Ростова, Суздаля, Ярославля, Костромы, Углича, Галича, Дмитрова, Твери, Переславля-Залесского, Юрьева-Польского (во Владимирском княжестве), Торжка и других городов в Северо-Восточной Руси. Затем – разорение Южной Руси, в том числе – Переяславля, Чернигова, Киева.

Для того чтобы понять, что собой представляла тогда Черниговская, например, земля – территория Руси, расположенная по реке Десне, её притокам, по верховьям Оки и граничившая со Смоленщиной, Рязанщиной, Муромом, – я дам упоминаемый в летописях список черниговских городов в XII веке. Его приводит в своей замечательной книге «Память» Владимир Чивилихин, а проверить этот перечень чи-

татель может и сам, внимательно изучив карту Черниговской земли на странице 162-й тома 47-го 2-го издания БСЭ.

Вот этот список: Бахмач, Беловежа, Березый, Блове (Обловь), Блестовит, Болдыж, Вырь, Вщиж, Всеволож, Вяхань, Воробейна, Воротынеск, Гомий, Гуричев, Глухов, Дедославль, Дебрянск, Домагощ, Зартый, Курск, Карачев, Козельск, Колтеск, Кром, Любеч, Листвен, Лобыньск, Лопасна, Моривейск, Мценск, Новгород-Северский, Ольгов, Оргощ, Ормина, Путивль, Сновск, Стародуб, Севсько, Синин Мост, Свирельск, Трубецк, Ростиславль, Рыльск, Радощ, Ропеск, Росуса, Уненеж, Хоробор, Чернигов, Чичерск.

Пятьдесят городов в одной лишь Черниговской земле – правда, особо богатой и населённой, но бывшей лишь частью всей Русской земли и, вообще-то, не бедной городами и достатком...

Нашествие Степи всё это предало пожару и тлену. Многие из упомянутых в ранних русских летописях городов так и не поднимутся больше из пепла – русский потенциал развития был уничтожен тогда почти подчистую. А то, насколько был велик этот потенциал, показывает пример Новгорода Великого. Во времена Киевской Руси этот русский город на реке Волхов удобно стоял на пути «из Варяг в Греки», однако особым образом из других крупных русских городов не выделялся. Нашествие Батые и ордынское иго обошло земли Новгорода стороной, общий строй жизни там сохранился. И благодаря этому Новгород сохранил своё европейское зна-

чение, был районом почти поголовной грамотности и развитой культуры. В средневековом Новгороде мужчина и женщина пользовались равными правами.

Если бы не ордынский Потоп, так бы было на всей Русской земле!

ПОСЛЕ того как по Руси прошёл Батый, Русь надолго стала страной азиатской, утратившей активную связь с Европой. А Польша оказалась страной полуазиатской-полуевропейской. Почему? Да потому, что конный вал Орды до Польши если и докатывался, то – ослабленный русским волноломом.

Нет, ни один народ в мировой истории не страдал так, как страдал русский народ. А страдание порождает или озлобленность, или – способность к *со* страданию. Причём не просто к словесному состраданию на манер классического «Крепись!», а к состраданию деятельному, когда делятся последним куском хлеба, кровом, общностью судьбы. Так, как это произошло с русскими.

Русский народ пришёл к осознанию Добра как высшей ценности не через рассуждения мыслителей, а через реальность своего трагического исторического бытия. Огонь пожаров русских городов – центров экономики и культуры уничтожал материальную базу развития России, но он же очищал народную душу от мелкого, меркантильного расчёта. Страдая, эта душа век за веком исполнялась Добра и способ-

ности к Добру. Потому-то русские и смогли почти бескровно расширить пределы Державы до одной шестой части планеты, не уничтожая более слабые народы, а включая их в орбиту своей жизни.

Вот так – непросто, зато прочно – закладывались основы той Вселенной Добра, которая ко второй половине позапрошлого века заняла пространства от Балтики до верхнего течения Юкона на Североамериканском континенте и от Кавказа до Арктики.

НО КАКОВА связь исторической России и Советского Союза? В каком отношении друг к другу они находятся? Я мог бы ответить на этот вопрос сам, но, чтобы в корне пресечь возможные споры, приведу мнение на сей счёт Збигнева Бжезинского. Уж его-то в приверженности к Советской власти нельзя заподозрить никак!

Бжезинский – профессиональный ненавистник Советского Союза и России, советник многих американских президентов. Он – недруг России, но недруг умный, который понимает, что если начнёт откровенно завираться, то быстро растеряет реноме интеллектуала и концептолога. Так вот, в интервью газете «Сегодня», финансирувавшейся группой «Мост», в № 157 за 1994 год, Бжезинский откровенно признался: «Советский Союз был исторической Россией, называемой Советским Союзом».

Итак, даже Бжезинский не скрывает, что Россия и СССР –

это исторические и системные синонимы, что СССР – это развившаяся Россия. Так не пора ли это понять и нам?

Но если это так, то нынешняя якобы «Россия» никак не может считаться подлинной Россией уже потому, что нынешняя якобы «Россия» не желает восстановления – мирного и добровольного – Советского Союза. То есть – по Бжезинскому – исторической России в её современной форме.

И уже поэтому нынешняя якобы «Россия» – это всего лишь ельциноидная «Россияния».

Не поняв, что СССР – это и есть Россия, что вне СССР России быть не может, русские (все вместе: и великороссы, и украинцы, и белорусы), а с ними – и другие народы российского геополитического пространства, уйдут в историческое небытие не позднее чем через десяток лет. Будущая Россия может или вновь стать Советским Союзом, или...

Или – она просто перестанет быть.

Вот и Николай фон Крейтор, известный западный политолог, социолог и юрист, с 1976 года председатель шведского комитета по соблюдению Хельсинкских соглашений, директор Центра по исследованию проблем беженцев в Нью-Йорке, на вопрос об основных целях внешней политики России в будущем ответил – уже в середине 90-х годов – так: «Цели предельно ясны: это восстановление Советского Союза в границах, подтверждённых международным правом, а именно – в границах 1945 года».

Итак, Советский Союз, Союз Советских Социалистиче-

ских Республик – не что-то чужеродное России. СССР – это Россия на вполне определённом этапе своего исторического развития. Поэтому вряд ли будет верным говорить об особых истоках СССР, если иметь в виду эпоху, непосредственно предшествующую времени образования СССР. Истоки СССР – не в революции 1917 года и не в деятельности партии большевиков. Исток – это начало чего-то, это ручеёк, который постепенно становится полноводной рекой. А СССР уже в самом своём начале был великой рекой, исток которой терялся в дали тысячелетий, потому что СССР стал развитием Русской Вселенной.

И в этом качестве, как новый виток в истории России, СССР не мог не стать Страной Добра и был ей! Да, в СССР было много несовершенного, а в позднем СССР было много и порочного и даже отвратительного.

Но в целом можно сказать, что Страна Добра – СССР жила весёлой, свободной, полновесной, нормальной человеческой жизнью, которая – да, нередко была омрачена лицемерием, гнусностью и идиотизмом всё более разлагающегося и некомпетентного руководства всех уровней. На тему «Почему так вышло?» мы ещё поговорим.

А что сегодня?

СЕГОДНЯШНЯЯ «Россияния» живёт всё более скотской, бездуховной, мелочной и гнусной жизнью, более похожей на умирание. И эта полная «свинцовых» и пластиковых мерзо-

стей якобы жизнь всё еще скрашивается остатками той человечности и доброты, которые были заложены в нас былым строем нашей былой жизни в Стране Добра.

Тот, кто жил в СССР, знает, что это – так!

Но Советское Добро возникло не на пустом месте – оно лишь продолжило традиции Русского Добра, образовавшего Русскую Вселенную.

А чтобы яснее увидеть ту мощную базу Добра, на которой возрастала изначальная Россия, нам надо пройти по реке русской истории к её истокам. И тогда мы поймём, что сами условия формирования русской нации определили её как естественную носительницу Мирового Добра. Позднее страдание лишь укрепило силу Добра в русском национальном характере. Но возникла эта сила ещё раньше – на заре истории русских славян.

Не в страдании, а в борении!

Глава 2

Русь изначальная

В ЧЁМ изначальные русские праславянские корни? Пожалуй, в том, как отразилась уже на истоках русской истории борьба Добра и Зла в проблеме войны и мира. Как уже было сказано, Россия в истории человечества стоит особняком. Роль и значение войн для неё всегда были принципиально иными, чем для остальных великих держав, а русская история, как никакая другая, даёт нам много поводов для размышлений в этом направлении, потому что Российское государство по критерию «мощь—сдержанность» оказывается уникально миролюбивым на протяжении большинства важных периодов своего существования. И тому есть причины – в отличие от других великих держав, Россия на больших войнах чаще теряла, чем приобретала.

Французы говорят: «На войне как на войне», но это – не философия солдата, защитника Отечества, а оправдание нарушения законов и норм обычной жизни в ситуации, когда пределы вседозволенности определяются лишь грубой силой. Французы говорят: «Труп врага веселит», и они же утверждают: «Труп врага всегда пахнет хорошо»...

У русского народа нет подобных «крылатых фраз». Для русского человека война всегда была тяжёлым испытанием, навязанным извне, и всегда же – трудом. Не знаю, но мо-

гу предполагать, что словосочетание «ратный труд» имеется лишь в русском языке! Оно и понятно... Можно ли называть ратным *трудо*м походы, например, Александра Македонского? Или – Ганнибала и Цезаря? Или – Наполеона? Или – Столетнюю и Тридцатилетнюю войны, Войну за испанское наследство, за независимость североамериканских колоний?

Вряд ли...

А русские всегда предпочитали мирный труд на своей земле вооружённому захвату чужих земель. Но и ратным трудом на своей земле русским приходилось заниматься постоянно – отнюдь не по своему желанию. В том числе и поэтому русский народ, умея воевать, всегда стремился к миру.

Эта наша особая миролюбивая черта проявляется даже в языке. Если слово «война» в русском языке, как и во всех прочих, имеет один – грозный и однозначный смысл, то слово «мир» в русском языке означает два хотя и внутренне родственных, взаимозависимых, но всё же разных понятия.

Современное правописание скрыло характерную деталь, которая в дореволюционном языке была очевидна. Слово «миръ» в словаре Даля определяется как «отсутствіе ссоры, вражды, несогласія, войны; ладъ, согласіе, единодушіе, пріязнь, дружба, доброжелательство; тишина, покой, спокойствіе».

А слово «міръ» (через «і»!) тот же Даль трактует как «все-ленная; <...> наша земля, земной шаръ, свѣтъ; всь люди,

въсь свѣтъ, родъ чловѣческій...» К слову, этим же словом «міръ» обозначается и «община, общество крестьян».

В английском же, например, языке «мир» – это «peace», а «мір» – это уже «world».

Вообще-то современная русская норма, объединившая два понятия в одном написании, представляется вполне удачной. Она даже более глубока и символична по сравнению со старой нормой. Нет мира людей без мира в мире.

Вряд ли есть другой великий и могучий народ, кроме русского, который воспринимал бы и проводил в жизнь этот принцип так последовательно и «массово» с самого начала своей национальной истории.

Но когда началась эта история?

ЗНАМЕНИТЫЙ наш историк Василий Осипович Ключевский первый раздел 5-й лекции из своего курса русской истории озаглавил «Начальная летопись как основной источник для изучения первого периода нашей истории». Что ж, для конца XIX века такой подход был допустим. И археологические раскопки, и славянский фольклор как источники исторических знаний тогда в ходу ещё не были. Поэтому Ключевский мог отсчитывать нашу историю от её летописного начала...

Плохо то, что и в начале XXI века мы часто воспринимаем русскую историю всё так же – со времён Рюрика, Олега, Игоря, Святослава, Владимира... Однако это – конец перво-

го тысячелетия нашей эры. Помним мы о древлянах и полянах, о русичах и вятичах... Но и это – начальные века нашей эры. То есть – не более двух тысяч лет.

А ведь первый период нашей истории, в котором отыскиваются корни русского народа, начинается не тысячелетие, не два назад, а, по крайней мере, десять-пятнадцать тысяч лет назад! Теперь мы знаем, что праславяне тшинецко-комаровской, например, культуры жили в бронзовом веке. Это десять тысяч лет тому назад. А на берегах Дона в Воронежской области у села Костенки обнаружено древнейшее в Европе поселение людей кроманьонского (то есть современного) типа. На площади в 10 квадратных километров раскопано более 60 стоянок эпохи верхнего палеолита в возрасте от 15 до 45 тысяч (стоянка «Костенки-12») лет. То есть, однажды придя сюда, люди из этих – издревле славянских, русских – мест уже не уходили на протяжении десятков тысяч лет!

У Ключевского о тех временах и слова нет. Он о них просто представления не имел. А его «Древняя» Русь – это, собственно, Киевская Русь раннего Средневековья!

Но русский национальный характер ко временам киевского великого князя Владимира уже давно сложился, и изначально он формировался как осознание глубокой связи с природой. Значит – был в основе своей гармоничен. Потом он был неоднократно искажён и исковеркан, но нечто, входившее в душу русских славян тысячелетиями, оставалось и

передавалось из поколения в поколение. И в чём не устарел подход выдающегося нашего историка, так это в соединении истоков русского национального характера с природой России. Ключевский писал так: «Лес, степь и река – это, можно сказать, основные стихии русской природы по своему историческому значению».

«Лес, – замечает он, – служил самым надёжным убежищем от внешних врагов, заменяя русскому человеку горы и замки. Степь – широкая, раздольная, воспитывала чувство шири и дали, представление о просторном горизонте. Русская река приучала своих прибрежных жителей к общежитию и общительности. Река воспитывала дух предприимчивости, привычку к совместному, артельному действию, заставляла размышлять и изловчаться, сближала разбросанные части населения, приучала чувствовать себя членом общества, обращаться с чужими людьми, наблюдать их нравы и интересы, меняться товаром и опытом, знать обхождение».

Прекрасная, точная характеристика, вполне применимая, между прочим, к СССР. При этом в такой характеристике ничто не указывает на условия, которые подталкивали бы русских славян к мечу, а не к плугу. Держать постоянно в руках меч вынуждали нас не идущие изнутри импульсы Зла, а необходимость отстоять себя от напора внешнего Зла.

Академик Б.А. Рыбаков в своей книге «Язычество древних славян» пишет (отточия, как и выше, для удобства опус-

каются):

«Праславянам с юга грозили киммерийцы. Приднепровские славяне оказались впервые в своей истории под ударами первых кочевников-степняков. Однако праславяне, жившие в приднепровской лесостепи, нашли в себе достаточно сил для того, чтобы, во-первых, создать по образцу киммерийского своё вооружённое всадничество, а во-вторых, выстроить примерно в IX—VIII вв. до н.э. (это более чем за полторы тысячи лет до святого Владимира! – С.К.) на границе с киммерийской степью целую систему крепостей, в которых могло укрыться от набега все население окрестного племени».

Подчеркну: праславяне защищали именно всех, а не избранных. Так, к VI веку до нашей эры относится постройка – с участием всего населения – громадного укрепления в Поворосколье площадью около 40 квадратных километров, с периметром стен почти 30 км. «Весь комплекс справедливо рассматривают как укрепление, построенное для союза племен, разместившихся по Ворскле. На случай опасности здесь действительно могли укрыться десятки тысяч людей со своими пожитками и стадами», – замечает Рыбаков.

Это – данные раскопок. Но академик Рыбаков проводит и интересное исследование связи с реальными археологическими данными южнорусских, украинских легенд Поднепровья о страшном Змее и Кузнецах-змееборцах. Переходя к связи жизни и мифа, он пишет:

«Праславяне на Тясмине и на Ворскле – на пограничье с киммерийско-скифской степью – строят разнообразные мощные укрепления, требовавшие всенародного участия. Здесь первобытность подходит к своему высшему пределу, и мы вправе ожидать рождения новых представлений и вправе искать их следы в позднейшем фольклоре. Филологи справедливо считают эпоху металла и патриархата, когда происходит этническая и политическая консолидация, временем зарождения новой формы – *героического эпоса*».

И кто же становится эпическим героем у наших праславянских предков? Рыбаков отвечает на этот вопрос так:

«В праславянской области рождение плуга, кузницы и воинов-богатырей происходит в единое время; культурный герой-кузнец и воин, защищающий свой народ, хронологически слиты воедино».

Итак, славянским героем оказывается не завоеватель, а защитник. Причем защитник, соединяющий в себе и созидательное начало, и силу, способную вооружённой рукой защитить ею же созданное!

Защитить слабых способен лишь добрый, злой их обижает. Не так ли? А русские Кузнецы-богатыри в легендах борются с беспощадным Змеем, пожирающим и старого, и малого. В образе Змея исследователи справедливо усматривают олицетворение степняков-кочевников, выжигавших всё дотла. Как видим, огненные языки внешней беды пылали на

Земле Русской задолго до татаро-монгольского нашествия. Глубоки, глубоки истоки Русского Добра!

Победив Змея, божественные Кузнецы запрягают его в выкованный ими плуг и пахут на нем гигантскую борозду. Причём оружием победы становится не меч, а кузнечные клещи. И когда чудесный Кузнец схватил Змея клещами, то Змей предложил: «Довольно, будем мириться: пусть будет вашего света половина, а половина – нашего... поделимся». В ответ же слышит: «Лучше переорать свет, чтобы ты не перелезал на нашу сторону брать людей».

Итак, силой Добра создаётся такое положение дел, когда на пути агрессии воздвигается непреодолимая преграда. Соответственно, не агрессивность, а сдерживание агрессии – изначальная воинская философия русского праславянства! Миролюбивая политика России восходит к традициям нескольких тысячелетий.

Равнинная необъятная Русь всегда была удобным полем для нашествия агрессора, поэтому и во время создания праславянских легенд, и много позже русским людям приходилось воевать часто и кроваво. Не всегда, надо сказать, это были лишь оборонительные войны. Но в первооснове нашего национального характера агрессивность не привилась – что видно и по составу пантеона основных языческих русских богов.

Список их составил святой Владимир в 980 году нашей эры – когда готовил крещение Руси. Вот этот список: гро-

мовержец Перун, повелитель ветров Стрибог, солнечно-огненные Дажьбог и Хорс, крылатый пёс Симаргл, охраняющий посевы, и богиня Макошь – пряха судьбы. Этот список – некий официальный итог мифотворчества многих поколений.

Через восемь лет языческие «идолы» будут порублены во славу Христа. Лишь среброголового и златоусого Перуна дружинники Владимира с почётом сплавят по Днепру до порогов. Но богу войны в этой компании места не нашлось.

Нет его ни среди основных, ни среди второстепенных русских богов. Сварог-кузнец... «Земной» скотоводческий бог Велес... Ярило – сила зерна... Лада-весна, несущая радость и счастливый брак... Все эти образы наполнены мирными заботами и устремлениями, мирной жизнью и мирным мироощущением. Они наполнены Добром.

В жизни праславян был ещё один бог – Род, значение которого в первых фольклорных исследованиях принижалось до роли чуть ли не простого домового. Однако Род – это не просто олицетворение крепости и неделимости племенного рода, собрания потомков, но и славянский аналог Саваофа, Творца, Создателя.

Бог Род древнее Перуна!

И то, что главное, потаённое, пришедшее из эпохи первого осмысления Бытия божество у славян отождествлялось с идеей рода – большой «семьи», тоже говорит о национальном славянском характере многое. И это «многое» также

окрашено не кровью, а мыслью о мире.

Прочно вошел в славянское сознание и сохранившийся до XIX века древний матриархальный культ рожаниц, двух Лосих – матери и дочери. Можно сказать, что идеи вселенской Доброты стали не столько философией русского славянства, сколько жизненным и социальным принципом, глубоко вросшим в *быт народа*.

Даже в отношении своего героического эпоса Россия в истории мира стоит особняком. У нас нет своего «Сказания о Гильгамеше», нет своей «Илиады», хотя русские и прибывали русский щит к вратам Царьграда. Зато у нас есть былины о витязях – защитниках Руси и народа. Причём это – общерусские герои, герои не только южной Киевской Руси, но и северного Московского государства. Это видно из того, что «киевский» цикл русских былин был открыт в XVIII – XIX веках на великорусском севере как результат записей живого повествования сказителей в Заонежье, на берегах Печоры и Белого моря.

Да, Русский Север стал называться «Исландией русского эпоса», но героями этого эпоса были русские киевские князья и русские богатыри русской киевской дружины. И хотя в былинах фигурируют опоэтизированные образы, они в своей основе историчны. Причём даже из поэтических былин видно, что их герои – деятели вполне централизованного государства. Впрочем, Киевская Русь выступает как единое государство со столицей Киевом (*caput regni*) и в летописных

иностранных хрониках, например, в польском латиноязычном средневековом источнике «Хроника Галла Анонима», относящемся к началу XII века. И эта территория уже тогда была территорией Добра.

В своё время в Советском Союзе чуть ли не в каждой чайной висели васнецовские «Три богатыря». Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович – знаменитая русская былинная троица, родившаяся в разных краях единой Русской земли.

«Малая» родина Ильи понятна уже из его прозвища – он родом из города Мурома, из села Карачарова. И Илья, «тридцать лет» просидевший на печи, – это образ той Руси, которая – по позднейшей характеристике Бисмарка – «долго запрягает, но быстро ездит».

Что же до Добрыни, то он, как сообщает нам В.И. Калугин, автор-составитель прекрасного сборника «Былины» (М.: Современник, 1991. – Сокровища русского фольклора), имеет, скорее всего, реального исторического прототипа – дядю князя Владимира Святославича, посадника новгородского, а затем воеводу киевского Добрыню. Упоминания о нём есть и в «Повести временных лет».

У Алёши Поповича – сразу несколько исторических прототипов.

И служат все трое, как и их ратные товарищи (а их в былинах упоминается *до пятидесяти!*), «красну солнышку» «ласкову князю Владимиру», что княжит в «красном Кие-

ве-граде». А ещё точнее – служат они русскому народу.

СЕГОДНЯ русские былины читаются иначе, чем десятилетия назад – в стабильные времена могучей Советской Руси. Сегодня возник вызов самой исторической будущности Российского государства. И это заставляет нас по-новому посмотреть на идеи «богатырского» цикла русских былин.

Скажем, тот же Илья Муромец... Получив богатырскую силу, он купил «доброго коня», «завёл латы богатырския <...> купил палицу тяжёлую <...> седёлышко всё кипарисное <...> копьё вострое всё брузаменское» и – в отличие от классического рыцаря – искателя приключений западного образца – отправляется в стольный русский град Киев к Владимиру. А там обращается к князю с просьбой позволить «послужить-то верою-правдою <...> неизменною» «за божьи церкви соборныя <...> за монастыри спасенныя». То есть – за русский дух на русской земле.

Возьмём тему «богатырской заставы», характерную для русских былин. Вот что пишет на сей счет уже упоминавшийся выше В.И.Калугин:

«Заставы богатырские <...> – не просто поэтический вымысел, плод народной фантазии, а отражение вполне реальной исторической действительности. Именно такие богатырские заставы веками ограждали Русь со стороны Дикого поля, первыми принимали на себя удары косогов, хазар, половцев, а позднее – **языц**

незнаемых, были, по сути, военными крепостями, пограничными форпостами <...> Руси. И так было не только во времена Киевской и докиевской Руси, но и в более отдаленные, когда в Приднепровье проходили оборонительные линии праславян... – знаменитые «Змиевы валы».

То есть былинные богатыри, боевые соратники Владимира по защите Русского Добра, – это продолжатели традиций могучих праславянских племенных союзов, потомки легендарных поднепровских Кузнецов-змееборцев, боровшихся со страшным Змеем.

И стоит ли нам, да и Европе, забывать, что праславянские Кузнецы заслонили от напора Дикого поля не только Русь, но и Европу. А ведь не поддается силе лишь Добро. Зло ей всегда уступает!

Конечно, по мере развития и усиления мощи средневековой Руси отношение к проблеме Добра и Зла на княжеском, владетельном уровне начало размываться. Знаменитый князь Святослав Игоревич вёл внешние войны на Балканах и – по мнению, например, советского историка А.Н. Сахарова – имел планы создания империи на Юге, почему и ходил на Византию, прибав щит к воротам Царьграда-Константинополя... Казалось бы – ну чем не восточный аналог западного Карла Великого? Разница в том, что Карл был более удачлив в своих планах, чем Святослав.

Так или иначе, Святослав в истории формирования Рус-

ской Вселенной оказался эпизодом. Уже его сын, Владимир I Святославич, крестивший Русь, и внук Ярослав Владимирович Мудрый, при котором была составлена «Русская Правда», были озабочены обустройством собственных земель, а не мечтами о чужих. Внук Ярослава Мудрого, киевский великий князь Владимир II Всеволодович Мономах, в 1108 году основал Владимир-на-Клязьме, положив начало Владимиро-Суздальской земле. А через 130 лет Руси выпал особый жребий – уже в новой исторической обстановке, в Средневековье, нам вновь пришлось оказаться на пути дикой кочевой волны.

И вновь Русь прикрыла Европу. Мы о том часто забываем, а злые силы Европы, мира и «Россиянии» делают всё для того, чтобы мы никогда об этом не вспомнили. Они пытаются выставить русских варварами, чтобы не выплыл на свет Божий тот исторический факт, что ранняя русская цивилизация ничем не уступала только формирующейся новой, средневековой европейской цивилизации и что эта очень перспективная и самобытная цивилизация приняла на себя удар степного кочевого варварства и, не сумев полностью отразить этот удар, была разрушена.

Изначально русские – не варвары, но они были отброшены в варварство варварами, позволив западным европейцам развивать их цивилизацию. Русское Добро вновь приняло на себя миссию противостояния Злу – как и во времена Кузнецов-змееборцев. Хотя на этот раз исход такой миссии ока-

зался трагичным. Для Русского Добра наступила эпоха первых тяжелейших испытаний.

Глава 3

Русь в борении со Злом

ПЕРВЫЕ татаро-монгольские набеги выжгли Русскую землю, обессилили и окончательно раздробили Русское государство, хотя они же обессилили и напор Степи. Угроза с Востока тем не менее постоянно существовала, как и угроза с Юга. Это были наиболее мощные факторы подавления развития Руси. А кроме того, ещё до нашествия Батыя возникла угроза с Запада.

Вот краткая хронология двух непростых веков и без того непростой русской истории. Эти два века привели на Русь много сил Зла, но в эти же два века русское Добро получило ту закалку, которая нам очень пригодилась и в последующие века.

1202—1224 годы. Захват Орденом меченосцев, основанным в 1202 году, земель ливов, эстов, земгалов и других народностей в Прибалтике.

1221 год. Основание великим князем Владимирским Юрием Всеволодовичем в земле мордвы Нижнего Новгорода.

1223 год. Разгром монголо-татарами русских дружин на реке Калке.

1224 год. Захват меченосцами русского города Юрьева

(Дерпт, Тарту), основанного Ярославом Мудрым.

1236—1251 годы. Княжение в Новгороде Александра Ярославича Невского (1247—1253 г. – князь тверской, 1252—1263 г. – Великий князь Владимирский). Умер в 1263 г.

15 июля 1240 года. Невская битва.

5 апреля 1242 года. Разгром Ливонского ордена на Чудском озере – «Ледовое побоище».

1237—1241 годы. Нашествие Батыя. Начало монголо-татарского ига. «Гибель Земли Русской».

1240—1241 годы. Захват рыцарями Ливонского ордена (орден основан в 1237 году в результате слияния Тевтонского ордена и Ордена меченосцев) русских крепостей Изборск, Псков, Копорье.

1268 год. Поход в Ливонию и победа войска псковичей, новгородцев, владимиристо-суздальцев над немецкими и датскими рыцарями при Раковоре.

1269 год. Поход ливонцев на Псков. Мир с Ливонским орденом. Стабилизация западных границ Новгорода и Пскова.

1300 год. Вторжение в Неву шведской эскадры.

1323 год. Основание русской крепости Орешек.

1325—1340 годы. Великое княжение в Москве Ивана I Калиты, с 1328 года – великий князь Владимирский.

1353—1359 годы. Великое княжение в Москве и Владимире Ивана II Красного.

1359—1386 годы. Великое княжение Дмитрия Ивановича Донского.

8 сентября 1380 года. Куликовская битва при впадении Непрядвы в Дон.

Итак, с какого-то момента Русское государство было вынуждено вести исключительно оборонительную политику. Даже дальние походы имели своей целью вернуть своё, исконное! Завоевательные потенции русских князей – если они у кого-то и были – окончательно заглохли. Слово «воевать» в понятии русских стало синонимом понятия «защита своей Родины», а не захвата и аннексии чужой. Что же до простого народа, то он на Руси подобными идеями не был обуреваем никогда.

Постоянное давление Дикой степи, татаро-монгольских орд, угроза суверенитету и целостности со стороны западных рыцарских орденов, а позднее – Швеции и Польши – вот основные причины военных усилий допетровского Русского царства. Та же Ливонская война Ивана Грозного против Швеции была по сути своей национальной и оборонительной, потому что естественные границы России проходили как раз по тем участкам балтийских берегов, за которые и шла борьба. По сути, в целях обеспечения безопасности восточных рубежей государства были предприняты Грозным и Казанские походы. Причём отношения русских и казанских татар после присоединения Казани не обострились, а быстро приобрели взаимно лояльный характер. Раз придя на Среднюю и Нижнюю Волгу, русские с неё уже не уходили и за

сохранение этих земель в составе Руси ни с кем не воевали – в отличие от долгой борьбы за западные и южные земли. И объясняется это тем, что Казанское царство было не столько завоёвано, сколько естественным образом вошло в рождающуюся Русскую Вселенную.

И чтобы лучше понять, почему всё же в Русской Вселенной, носительнице идей Мира и Добра, так часто звенела боевая сталь, нам надо ещё раз – хотя бы кратко – обозреть давние века нашей истории.

Считается, что Пётр чуть ли не первым понял значение для России Балтики и морского флота, почему и начал Северную войну и завоевание Прибалтики. Однако на самом деле величие Петра сказалось и в том, что он не *завоёвывал*, а только *отвоёвывал*! И блестяще завершил процесс, начало которому положили первые племенные союзы славян.

Уже к IX веку нашей эры были созданы ранние государственные объединения восточных славян в районе Днепра и озера Ильмень. И уже тогда наши далёкие предки выходили на северные берега Балтики и соединяли их с берегами южного Чёрного моря. Выходили не с мечом завоевателя, а с топором плотника. Тогда же, добрых полторы тысячи лет назад, начинался тот, говоря языком современным, выдающийся геополитический «проект», который был назван в летописи «Путь из Варяг в Греки»!

Уже в IV – VI веках нашей эры этот Путь – водный путь в

2200 километров через все русские славянские земли с Севера на Юг и обратно – существовал. Мы знаем это по данным археологических раскопок. Скорее всего, эта водная артерия с рядом волоков вначале обслуживала внутреннюю торговлю русских славян, но затем она продолжилась с обоих концов и связала Северную Европу с Византией и арабским Востоком. В IX веке об этом Пути упоминалось в иностранных письменных источниках, в русской летописи о нём говорилось так:

«Бе путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру и верх Днепра по Ловоти, внити в Ильмер озеро великое, а из него же озера потечёт Волхов, и вытечет в озеро великое Нево, того озера внидеть устье в море варяжское...»

Если посмотреть на карту, то видно, что «путь из Варяг в Греки» был проложен почти идеально. Это был удобный путь, но найден он был, конечно, не сразу. Однако после того, как он был найден и пройден, он не мог не стать торным в короткие сроки.

Из Северного моря через Датские проливы в Балтику – к Финскому заливу. Потом – по Неве, соединяющей море и Ладожское озеро. По озеру – к Волхову, впадающему в Ладогу, затем вверх по Волхову к Новгороду и озеру Ильмень, через Ильмень к Старой Руссе и далее вниз по вытекающей из Ильменя реке Ловати. Путь к Днепру от Ловати – через приток Ловати – реку Кунью, протекающую восточнее нынешних Великих Лук, Западную Двину и реку Касплю – приток

Западной Двины восточнее Витебска. В верховьях Днепра – волок по суше на приток Днепра реку Хмость. На северо-западе Смоленщины Каспля и Хмость находятся друг от друга очень близко – считанные километры. Пройти их по суше, а дальше – всё путь водой, к Днепру, по Днепру и вдоль западного берега Чёрного моря – до Царьграда-Константинополя.

Путь от Киева до Царьграда проходили за 30—40 дней. С севера везли меха, мёд, воск. С юга – вино, пряности, дорогие ткани, украшения, стеклянную посуду.

И на этом пути стояло два главных центра русской культуры и государственности, две старорусские столицы – Новгород и Киев. Уже в конце первого тысячелетия нашей эры они были объединены в одно государство – Киевскую Русь. На всей Русской равнине, покрытой лесами и реками, действовали одни законы, и именно русские славяне составляли здесь мощную организованную силу. Так что на всём своём протяжении великий торговый путь с севера Европы на юг Европы шёл по территории одного государства – Киевской Руси.

ТЫСЯЧУ лет назад Русь в тёмной и бедной тогда варяжской Скандинавии называли Гардарик – страна городов. Их было на Руси больше четырёх сотен!

В русских летописях говорится о том, что наши предки призывали на княжение заезжих варягов, потому что не умели собой управлять... Но сказать, что Русью правили варя-

ги, на том основании, что с 862 года в Новгороде стал князем варяг Рюрик, это примерно то же, что заявить, что Советской Россией правили грузины, поскольку во главе СССР стоял грузин Сталин. Да, варяг Рюрик пришёл из полуголодной Скандинавии на богатые русские меды и хлеба, но пришёл **наниматься** на службу, как это делали несколько столетий спустя в Италии наёмные полководцы-кондотьеры... И, надо сказать, Рюрик и его потомки честно отработывали свой хлеб, служа новой Родине не за страх, а за совесть. Они потому и закрепились на Русской земле, что стали русскими.

Сын Рюрика – Олег объединил под своей рукой северные и южные русские земли – так образовалась Киевская Русь. В конце того же XVIII века, начало которого было ознаменовано Полтавской победой, английский историк Эдуард Гиббон в своей знаменитой «Истории упадка и разрушения Римской империи» писал:

«Сыновья Рюрика владели обширной Владимирской или Московской провинцией, и... их западная граница ещё в ту раннюю пору была расширена до Балтийского моря...»

Земли по Неве действительно издавна были русским владением и относились к так называемой Водской пятине Великого Новгорода. Уже много позже эти земли стали называться Ингерманландией. Поэтому история Северной войны России и Швеции началась задолго до петровского времени. Северная война, которую Пётр Великий начал в 1700 году

неудачной осадой Нарвы и закончил в 1721 году победным Ништадтским миром, имеет 500-летнюю предысторию. Эту войну, собственно, начали шведы ещё в 1300 году, впервые появившись в русском устье Невы!

Во времена Киевской Руси и более поздние – до самого монголо-татарского нашествия на Русь – путь «из Варяг в Греки» был важнейшим мировым торговым путём. Киевская Русь служила и связующим, и посредствующим звеном в торговле между северо-восточной Европой и юго-западной Европой. Монголо-татарское нашествие разрушило Русь и её торговлю, и посреднические функции постепенно стали переходить к группе германских городов, поставленных на Маасе, Рейне, Эльбе, Одере и связанных с Северным и Балтийским морем.

Но ещё до разорения Руси возникает не только сотрудничество, но и соперничество между немецкой Европой и Киевской Русью за контроль над торговыми путями. При этом в северо-западной Прибалтике, по Ладожскому, Чудскому и Онежскому озерам, по рекам Великая, Нарова, Нева, по озеру Ильмень жили и укреплялись русские славяне. Там не было ни одного немецкого или шведского поселения или крепости, зато в зоне знаменитого пути «из Варяг в Греки» находились русские города и крепости Корела-Кексгольм, Ладога, Ям, Копорье, позднее – Иван-город и Орешек...

Нынешний университетский город Эстонии Тарту (Дерпт) был основан в земле эстов как русский город Юрьев.

Его основал Ярослав Мудрый, христианское имя которого было «Юрий». Юрьев впервые упоминается в русских летописях в 1030 году. В 1215 году он был захвачен меченосцами, в 1223 году освобождён местным населением (эстонцами) и русским отрядом из Новгорода, а в 1224 году, как читатель уже знает, Юрьев снова захватили меченосцы.

На самый конец XII века, на девяностые его годы, приходятся первые торговые договоры Новгорода с немецкими ганзейскими городами. Староготским словом «Ганза», означающим «толпа, союз», были названы торговые товарищества немецких купцов, объединившихся для взаимной помощи и защиты их торговли за границей. Полностью Ганзейский союз оформился значительно позднее – в 1367 году на съезде в Кёльне, но уже в XII веке он активно торговал с Русью.

В 1202 году был основан Орден меченосцев, и сразу же начались его захваты в Прибалтике. В 1237 году Орден меченосцев слился с Тевтонским орденом. Был образован Ливонский орден, и он сразу стал естественным врагом Руси.

Тогда же оформляется и вековое противостояние Руси и Швеции. Развитие торговых отношений Руси со Скандинавией и другими европейскими странами привело к тому, что шведы также стремились захватить прибалтийские русские земли. Александр Невский получил свое прозвище за невскую победу 1240 года именно над шведским войском во главе с родственником шведского короля Биргером Фолькун-

ГОМ.

В 1300 году крупная шведская эскадра вторглась в устье Невы и захватила его. При впадении в Неву реки Большой Охты шведы поставили город и крепость Ландскро-ну, но вскоре он был взят штурмом и его сровняли с зем-лёй. Но русские допустили ошибку, не использовав эту кре-пость. Шведы стали заходить в Ладожское озеро, грабить русские купеческие суда. Тогда в 1323 году новгородский князь Юрий Данилович основал на острове Ореховом у юж-ного берега Ладожского озера и истока Невы русскую кре-пость Орешек. Потом Орешек не раз переходил из рук в ру-ки. В 1611 году шведы переименовали его в Нотеборг («not» по-шведски «орех», «borg» – «крепость»). Отвоевав Орешек в 1702 году, Пётр назвал его «Шлиссельбург» – «Ключ-кре-пость».

Новое название Орешку Пётр дал точное! Орешек был по-ставлен новгородцами в ключевом месте северного начала долгого пути «из Варяг в Греки». В 30-е годы XVII века зна-менитый немецкий путешественник Адам Олеарий побывал на Севере Европы и в «Московии» и в своём описании путе-шествия упомянул крепость Нотебург, отметив, что она по-строена русскими у выхода из Ладожского озера на острове, формой похожем на орех, откуда и пошло русское название крепости – Орешек.

В 1323 году между Россией и Швецией был заключён «вечный» Ореховский мир. Но уже в 1348 году шведский ко-

роль Магнус Эриксон объявил крестовый поход против Руси.

Ко времени основания Орешка центр русской цивилизации давно переместился с юга, из Киева, на север, и Новгородская торговая республика естественным образом старалась закрепить свое влияние на выгодных водных торговых путях того времени – на Ладоге и западнее – на Балтике, где была создана целая система русских крепостей: Юрьев, Нарва-Ругодив, Иван-город, Яма (Ямбург), Корела (Кексгольм, ныне – Приозёрск). «Путь из Варяг в Греки» был уничтожен волной нашествия степных кочевников. Однако сама торговля Европы с русским Севером не прекращалась, и главную роль здесь играл Ганзейский союз. В Европу шли из России пенька, смола, мёд, воск, меха. Из Европы – сукна, товары ремесленников. Из Скандинавии везли сельдь и треску. Позднее, в XV веке, Ганза начинает слабеть, зато на Балтике и в Западной Европе усиливается Швеция.

Швеция как единое государство сложилась к XIII веку. От других европейских стран Швецию отличала большая свобода крестьян по отношению к феодалам. А это создавало неплохую системную базу для организации сильной армии. Так и вышло – шведы приняли почти непрерывную завоевательную линию в политике, и одним из направлений их экспансии стали вначале земли нынешней Финляндии, а затем – русский Север и русские прибалтийские земли.

В России в то время только-только закончилась ожесто-

чѣнная княжеская междоусобица, когда галицкий князь Димитрий Шемяка захватил Москву и ослепил великого князя Василия II Васильевича – внука Димитрия Донского. Василия, которого после этого прозвали Тёмным, восстановили на престоле московские посадские люди. Василий Тёмный был объединителем, и позиции Москвы на русском Севере при нём укреплялись, что шведам нравиться не могло.

Поэтому за русские прибалтийские земли с переменным успехом воевала со шведами Россия Ивана III, Ивана IV Грозного, Россия первого царя из династии Романовых – Михаила, деда Петра. Уже Иван III Васильевич активно боролся за возвращение русских прибалтийских земель. Это он поставил Иван-город на берегу Наровы напротив шведской Нарвы.

В 1496—1497 годах Россия вела очередную войну со Швецией, но самой большой проблемой стал Ливонский орден. Он был неизменно агрессивен и весной 1501 года в союзе с Литвой нанёс серьёзный удар по русской морской торговле на Балтике. Было захвачено 200 русских судов с товарами и 150 купцов. Это само по себе говорит о масштабе торговых связей России с Западной Европой.

Борьбу продолжил Иван IV Грозный. С 1540 года у России имелся только один порт на Балтике – Нарва. Туда тайком, в связи с запретом Ганзы, приходили с товарами английские, голландские и французские суда. Но вскоре и Нарва была утрачена. В 1555 году в Англии была учреждена торговая

«Московская компания». Началась торговля через Белое море.

В 1556 году, когда шведы в очередной раз развязали войну, русские войска разгромили шведов у Выборга. Это способствовало оживлению так называемого «Выборгского плавания», то есть русской торговли через Выборг.

В 1558 году началась Ливонская война Московского государства с Ливонским орденом и Польшей. Вначале война была успешна для русских, в 1561 году был разгромлен и распался Ливонский орден. Были отвоёваны Нарва (Ругодив), Дерпт (Юрьев).

В устье Наровы, ниже Иван-города, для расширения «Нарвского плавания» посланцы Грозного Дмитрий Шастунов, Пётр Головин и Иван Выродков приступили к сооружению нового порта с гаванью, и летом 1558 года он уже мог принимать первые суда. Весной 1559 года датские послы сообщали своему королю, что русские приступили к закладке больших морских кораблей. Последнее, увы, было преувеличением – Иван Грозный тщетно пытался выписать в Россию корабельных мастеров. Европа ему в этом отказывала. Тем не менее Европа встревожилась.

Польский король Сигизмунд II Август писал английской королеве Елизавете:

«Московский государь ежедневно увеличивает своё могущество... он приобретает средства побеждать всех».

О том, что, побеждая «всех», московский государь всего лишь возвращает своё, Сигизмунд, конечно, «забывал».

Русские успехи ускорили процесс заключения Польшей и Великим княжеством Литовским Люблинской унии в 1569 году. Создавалась единая Речь Посполитая, сразу же враждебная России. А русский царь вскоре сделал неожиданный ход! В 1570 году он выдал «жаловальную грамоту» профессиональному датскому корсару Карстену Роде на ведение каперской деятельности в Балтийском море.

Сегодня почти никто не помнит об этой каперской флотилии Ивана Грозного! А она вполне успешно оперировала на Балтике во время Ливонской войны. Флотилия была создана в июле 1570 года и насчитывала 6 вымпелов. На судах были установлены русские пушки. Экипажи были наёмными – из датских корсаров. Командор – Карстен Роде. Флотилия базировалась на острове Борнхольм. Начав оперировать в июне 1570 года, к сентябрю Роде захватил 22 судна, часть которых была передана России, и в Нарве появился небольшой русский флот.

Но – ненадолго. Появление на Балтике всего-то маленькой флотилии под русским флагом вызвало в Польше и Швеции переполох, посыпались резкие протесты. «Необходимо предотвратить господство москвитов на море, пока это зло ещё не успело пустить слишком глубоких корней», – писали бургомистры Данцига в Любек и другие ганзейские города. И датский король Фридрих II в октябре того же 1570 года

приказал арестовать Карстена Роде и заточить его в один из королевских замков. Суда были конфискованы.

Маленькая деталь большой истории. Но деталь показательная, и помнить русским о ней не мешает даже сейчас.

С 1577 года к Ливонской войне подключается Швеция. К XVI веку северное противостояние России и Швеции приобрело постоянный характер, пиком которого стала Ливонская война. Она не была в итоге удачной для Ивана Грозного, однако её геополитическая необходимость для России была вне сомнений. В 1583 году было заключено Плюсское перемирие. По нему Россия сохраняла за собой устье Невы, но фактически Балтийское «окно» для русских вновь закрылось.

ОДНАКО эпоха Ивана Грозного – это не только яркий момент борьбы Русского Добра с внешним Злом. В эпоху Грозного шла активная борьба Добра и Зла внутри самой Руси. И в итоге Добро одолевало Зло. Об этом хорошо сказал сам Грозный в своём первом послании Андрею Курбскому.

Князь Курбский (он был на два года старше царя и умер за год до смерти Грозного) начинал как участник «Избранной рады» царя и военачальник, назначался наместником Ивана IV в присоединённом к Русскому государству Юрьеве (Тарту). Но затем, будучи идеологом боярского своеволия и привилегий, изменил и бежал в Литву. В истории Курбский остался известен благодаря полемической переписке с

царём. Сам же Грозный показал себя в этой переписке выдающимся публицистом, крупнейшим политическим мыслителем, великим патриотом России и...

И, как ни странно, гуманистом, видящим высший гуманизм в обеспечении силы земному Добру в его противостоянии земному Злу. Грозный писал:

«Свет же во тьму не превращаю и сладкое горьким не называю... Я... усердно стараюсь обратить людей к истине и свету, чтобы они познали единого истинного Бога в Троице славимого, и данного им Богом государя и отказались от междоусобных браней и преступной жизни, подрывающих государство. Это ли горечь – отойти от зла и творить добро? Это ведь и есть сладость и свет!.. Что может быть хуже урывать для самого себя? Сам не зная, где сладость и свет, где горечь и тьма, других поучаешь. Не это ли сладость и свет – отойти от добра и начать творить зло?.. Всякому ясно, что это не свет, а тьма, не сладость, а горечь...»

Грозный видел своё предназначение в служении государству, а не в потакании животным страстям и своекорыстию. И при этом он был убеждён, что миром правит Добро, а не Зло, потому что, как верил Грозный, не только на небе, но и на земле правит Христос.

Царь писал Курбскому:

«Как они (манихеи. – С.К.) суесловят, что небом обладает Христос, землёй – самовластный человек, а преисподней – дьявол, так же и ты проповедуешь

будущее судилище (Страшный Суд. – С.К.), а Божьи кары за человеческие грехи на этом свете презираешь. Я же знаю и верю, что тем, кто живёт во зле, <...> не только там мучиться, но и здесь суждено испытать чашу ярости господней за свои злодеяния... Также и то знаю, что Христос владеет небом, и землёй, и преисподней, <...> и всё в небе, на земле и в преисподней существует по его воле...»

Вдумайся, уважаемый читатель! Слова Грозного – это ведь страстное утверждение всеислия Добра везде и во всём! Это – ощущение Добра как силы, пронизывающей всё Мироздание и правящей им, не разделяя со Злом прав и возможностей власти. В соответствии с уровнем эпохи Грозный осознаёт проблему на уровне религии, а не общественной философии. Но так ли это существенно? Важно то, что именно *русский* государь, *русский* верховный вождь исповедовал философию Добра и отвергал манихейский принцип равноправия Добра и Зла в те времена, когда Европа почти поголовно была уверена в том, что не в правде суть, а в силе.

Такие воззрения не возникают, не могут возникнуть в отрыве от той общей духовной общественной атмосферы, в которой возрастал сам носитель воззрений. А это означает, что и во времена Грозного духовная атмосфера русского общества была по-прежнему пронизана идеей вселенского Добра.

Русское Добро Иван IV Васильевич Грозный понимал как сильное Русское государство, способное это Добро защитить в борении со Злом. Грозный был ведь не просто мыслителем

и философом. Он был также практическим политическим лидером, воителем и преобразователем. Его Добро было всегда деятельным, оно имело крепкие кулаки. Порой эти кулаки промахивались и били по невинному. Но Грозный отдавал себе в том отчёт и писал:

«Верю, что мне, как рабу, предстоит суд не только за свои грехи, вольные и невольные, но и за грехи моих подданных, совершённые по моей неосмотрительности...».

Вдумаемся и в эти слова... Ведь они представляют собой *публичное* признание! Но лишь выдающийся человек, глубоко верящий в Добро, мог в ту эпоху, находясь на высоте, которую тогда повсеместно считали богоравной, публично говорить о том, что он может быть неосмотрительным!

ПОСЛЕ смерти Грозного в 1584 году борьба России за возвращение её прибалтийских земель шла с переменным успехом, но всё более терпела крах – всё более сказывалась отсталость допетровской России.

В 1595 году Борис Годунов заключил с Швецией Тявзинский «вечный» мир. По нему Россия возвращала себе часть побережья Финского залива, Корелу, Орешек, Копорье, Иван-город, крепость Ниеншанц, Ям. Однако земли к западу от Нарвы (Ругодива) оставались за Швецией, шведы по-прежнему контролировали Балтийское море.

Вскоре на Руси начались Смуты, правление Лжедмитри-

ев, Семибоярщина... Затем последовало польско-шведское вторжение в Россию. Зло вновь правило бал на Русской земле, но вновь правило его временно. Осенью 1612 года народное ополчение во главе с Мининым и Пожарским освободило Москву, а 21 февраля 1613 года на царство был избран Михаил – первый Романов, дед Петра Великого.

По Столбовскому договору между Россией и Швецией, заключённому 27 февраля 1617 года, Швеция признавала династию Романовых, возвращала России временно захваченные Новгород, Старую Руссу, Порхов, Ладогу, Гдов, но оставляла за собой захваченные Иван-город, Ям, Копорье, Орешек, Кексгольм, Ижору, принадлежавшие России по Тявзинскому договору.

Шведский король Густав II Адольф на заседании риксдага заявил:

«Теперь без нашего позволения русские не смогут выслать ни даже одной лодки в Балтийское море; большие озёра Ладожское и Пейпус (то есть Псковское. – *С.К.*), Нарвская Поляна, болота в тридцать вёрст ширины и твёрдые крепости отделяют нас от них. Теперь у русских отнят доступ к Балтийскому морю, и, надеюсь, не так-то легко будет им перешагнуть через этот ручеёк...»

«Ручеёк» перешагнуть было действительно непросто, но во время очередной русско-шведской войны 1656—1661 годов, которую вёл отец Петра – Алексей Михайлович, главные

силы русской армии двигались к Риге по Западной Двине (Даугаве) на 1400 стругах и барках. Тогда были взяты с боем Динабург (ныне Даугавпилс) и Кокенхаузен (ныне Кокнесе), расположенные в нижнем течении Западной Двины. Они были переименованы в Борисоглебов и Царевичев-Дмитриев.

По инициативе выдающегося допетровского государственного деятеля воеводы Ордина-Нащокина в Царевичеве-Дмитриеве – примерно в ста с лишним километрах от Риги – началось строительство кораблей для Балтики. Однако сказалась возрастающая отсталость России, в том числе и военная, особенно видная на фоне мощной шведской армии. И по Кардисскому мирному договору 1661 года Царевичев-Дмитриев пришлось возвратить Швеции. Корабли были сожжены.

Через одиннадцать лет после заключения Кардисского «вечного» мира у Алексея Михайловича родился сын Пётр. Балтийское «окно» в Европу, которое периодически было открыто для русских со времён Киевской Руси, в тот момент оказалось для нас прочно закрытым. И прорубить его вновь должны были шпага Петра-воителя и топор Петра-строителя.

Он же поставил по-новому для России и проблему Добра и Зла. А точнее – самым зримым и выдающимся образом укрепил деятельное начало в Русском Добре.

Глава 4

Добро и Зло распознаёт Россия Петра...

В 1714 ГОДУ по случаю спуска корабля «Илья Пророк» Пётр произнёс блестящую речь, в которой были и такие слова:

«Кому из вас, братцы мои, хоть бы во сне снилось, лет тридцать тому назад, что мы здесь, у Балтийского моря, будем плотничать, и <...> воздвигнем город, в котором вы живёте; что мы доживём до того, что увидим таких храбрых и победоносных солдат и матросов русской крови, таких сынов, побывавших в чужих странах и возвратившихся домой столь смышлёнными; что увидим у нас также множество иноземных художников и ремесленников, доживём до того, что меня и вас станут так уважать чужестранные государи...»

Это говорилось уже не на топких берегах Невы, поросших кустарником, над которым одиноко парил орёл... Это говорилось в городе, величественный облик которого тогда вполне определился. И Пётр видел его будущее величие и будущее развитие России, когда говорил:

«Историки полагают колыбель всех знаний в Греции, откуда (по превратности времён) они были изгнаны,

перешли в Италию, а потом распространились и по всем европейским землям... Теперь очередь приходит до нас, если только вы поддержите меня в моих важных предприятиях, будете слушаться без всяких оговорок и привыкнете свободно распознавать и изучать добро и зло...»

Какой монарх, в какой стране и в какую историческую эпоху мог публично обратиться к своим подданным с такими речами? Для того чтобы так говорить и мыслить, надо родиться, воспитываться и жить во вполне определённом духовном и интеллектуальном пространстве. Иными словами, для этого надо было быть выдающимся сыном Русской Вселенной, каким умница Пётр и был!

Пётр умел различать Добро и Зло. Он поставил Россию с пролёжанного бока на ноги. Он изменил и общеевропейскую ситуацию, введя в неё ранее небывалый в ней фактор – сильную Россию.

Шло время...

Русское Добро обретало кулаки.

И училось распознавать Зло.

Многие из тех, кто описывал эпоху Петра, – тот же историк Костомаров, например, – утверждали, что Пётр строил на непрочном фундаменте, что многие его начинания и реформы остались на бумаге и не имели успеха в жизни, что молодые русские люди, направляемые царём в Европу на учение, научились там только пить и сорить деньгами.

Профессор русской истории Дерптского университета Брикнер в своей истории Петра сообщал, что «ученики», отправленные за границу, обычно были «плохо приготовлены к учению», что «многие из них отличались грубостью нравов, нерадением к учению, равнодушием к вопросам науки», а некоторые даже были склонны «к преступным действиям».

Увы, не всё здесь неправда... Скажем, во французском Тулоне гардемарин Глебов «поколел» шпагой гардемарина Барятинского, напав на него неожиданно, предательски, и был посажен под арест. И это был не единственный пример. Приставленный к молодым русским в качестве своего рода «дядьки» князь Иван Львов в 1711 году просил не посылать новых навигаторов в Англию, потому что «и старые там научились больше пить и деньги тратить».

Это было...

Но если бы большинство «птенцов гнезда Петрова» было разряженными попугаями и драчливыми петухами, а не орлятами, то откуда бы у новой – петровской и послепетровской России появились молодые орлы? Откуда у новой России даже в недобрые времена Анны Иоанновны и её фаворита курляндца Бирона брались успехи? Уже после Петра!

Да ведь и сам молодой Пётр впервые отправился за границу в составе «великого посольства» не для гульбы, а для изучения наук, морского и корабельного дела. Он сам через много лет признавался, что ему было бы стыдно знать меньше тех, кого он направлял в Европу на выучку.

Вот указ царя навигаторам августа 1712 года:

«Его царское величество имянным своим указом указал сказать. Всем их милости господам, которые в науке навигаторской обретаютца, чтоб училися с самого матрозского дела и знали бы оснащать суды сами».

Меньшинству этот указ впрок не пошёл. Но большинство искренне воспринимало эти строки как жизненный принцип, потому что это был жизненный принцип самого российского верховного вождя!

Из первых пятидесяти молодых дворян, отправленных царём в 1697 году за границу (28 в Италию, 22 в Англию и Голландию), вышли такие выдающиеся деятели Петровской эпохи, как Борис Куракин, Григорий Долгорукий, Пётр Толстой, Андрей Хилков...

Особенно ярок пример Петра Андреевича Толстого (1645—1729). В 1697 году ему было уже 52 года... Семья, дети, обеспеченное положение... Тем не менее Толстой сам вызывается ехать за границу для изучения морского дела. Через Польшу и Австрию он едет в Италию, месяцами плавает по Адриатическому морю, изучает страны и языки. Получает свидетельство, что ознакомился «совершенно» с картами морских путей, с названием «дерев, парусов, верёвок и всяких инструментов корабельных».

Вместе с мальтийскими рыцарями Толстой воевал против турок, в Венеции с большим успехом занимался математикой. Всё это помогло ему позднее с честью выполнять труд-

нейшие обязанности русского посла в Турции.

В год отъезда на учёбу Петра Толстого сыну небогатого новгородского дворянина Ивану Неплюеву было четыре года – он родился в 1693-м. С 1714 года учился в Новгородской математической школе, затем – в Петербургской Морской академии. В 1716-м, в 23 года, был направлен в Венецию и Испанию. Вернулся домой в 1720 году, вместе с другими был подвергнут экзамену самого императора, получил похвальный отзыв Петра и был назначен главным начальником над строящимися судами в Петербурге. Пётр тогда сказал Неплюеву:

«Видишь, братец, я и царь, да у меня на руках мозоли, а всё от того: показать вам пример и хотя б под старость видеть мне достойных помощников и слуг Отечеству».

Когда Пётр скончался, Неплюев более суток пролежал в беспамятстве и потом объяснял это так:

«Да иначе бы мне и грешно было: сей монарх Отечество наше привёл в сравнение с прочими; научил узнавать, что и мы люди; одним словом, на что в России ни взгляни, всё его началом имеет, и что бы впредь ни делалось, от сего источника черпать будут...»

За свою долгую жизнь Иван Иванович Неплюев был резидентом в Стамбуле, главноначальствующим на Украине, 16 лет – наместником в Оренбурге и главнокомандующим в Петербурге в первое время царствования Екатерины Вто-

рой. В Оренбургском крае он построил до семидесяти крепостей, основал ряд укреплённых линий, реорганизовал казачье войско. Неплюев скончался восьмидесяти лет, в 1773 году, и оставил по себе добрую память — о нём упоминается во всех трёх Больших Советских энциклопедиях.

Вот другой пример... Василий Дмитриевич Корчмин, генерал-майор. Один из деятельных сотрудников и любимцев Петра Великого. Обучался военно-математическим наукам за границей в 1697—1698 годах. Молодой Василий Корчмин отправился в Европу одним из первых и переписывался лично с царём. Он писал из Берлина так:

«Мы со Стенькою Бужениновым, благодаря Богу, по 20 марта выучили фейерверк и всю артиллерию, ныне учим тригонометрию...».

И выучился Василий Корчмин в Берлине хорошо, став одним из создателей новой русской артиллерии, крупным военным инженером. Сразу по возвращении в Россию он был назначен сержантом бомбардирской роты Преображенского полка, весной 1700 года под предлогом покупки пушек провёл разведку Нарвской крепости. При осаде Нарвы вёл апроши, в 1703 году участвовал во взятии Нотебурга, Ниеншанца.

Затем Корчмин командовал батареей на Васильевском острове. По преданию, сам этот остров был назван по Корчмину. Мол, Пётр часто писал Корчмину и для краткости адресовал письма: «Василью на остров». Однако более верно

происхождение названия от владельца имений в устье Невы, новгородского посадника Василия Казимера, жившего в XV веке. По крайней мере, уже в книге Водской пятины за 1500 год этот остров именуется Васильевским.

В 1706 году Корчмин устраивал оборонительную линию между Смоленском и Брянском, укреплял Брянск. В 1707 году, в опасении шведского нашествия, Пётр направляет капитан-поручику Корчмину подробный указ об укреплении московского Кремля и Китай-города. Василий тогда уже прочно вошёл в число молодых сотрудников Петра. Никому из иностранных инженеров царь не писал так часто, как русскому инженеру Василию Дмитриевичу Корчмину.

В 1719 году Корчмин был послан для исследований по проведению канала из реки Мологи в реку Мсту, для описания Волги, Мологи и Тверцы и вообще исполнял самые разнообразные поручения Петра.

Знаменитый русский историк и географ Василий Никитич Татищев, автор многотомной «Истории Российской с самых древнейших времён», родился в 1686 году и скончался в 1750-м. Направленный Петром в Швецию и Саксонию, Татищев жадно впитывал знания, покупал за границей множество книг по математике, истории, географии и военному делу. В возрасте 23 лет Татищев принимал участие в Полтавской битве, позднее по желанию Петра занимался географией России. В 30-х годах выступал против Бирона и немецкого засилья в России.

Крестьянин подмосковного села Покровское Иван Посошков, будущий мыслитель-экономист эпохи Петра, родился в 1652 году. Он был на два года моложе боярина Фёдора Головина, будущего генерал-адмирала и фельдмаршала, и ровно на двадцать лет старше самого Петра. В сорок пять лет Посошков, как недовольный царём и рассуждавший о его пороках и недостатках, был взят в Тайный Преображенский приказ по делу монаха московского Андреевского монастыря Авраамия. А кончил Посошков тем, что стал одним из горячих и убеждённых сторонников Петра. Он говорил о царе:

«Наш монарх на гору аще сам десять (то есть девятеро. – С.К.) тянет, а под гору миллионы тянут: то как дело его споро будет?»

Но ведь и сам Посошков тянул в гору, и другие сотрудники Петра – тоже. Потому в гору шла и Россия. За два года до смерти, в 1724 году, Иван Тихонович Посошков написал «Книгу о скудости и богатстве», где отстаивал всемерное развитие производительных сил страны за счёт расширения производства отечественных товаров, выступал за активный торговый баланс с zahraniцей.

Интересный и малоизвестный факт: при Петре одной из дворянских повинностей стала... учёба! Учиться дворянские дети начинали с девяти лет в специальных школах – до 15 лет. Затем юный дворянин обязан был идти служить. Причём специальными указами Петра определялось, что родовитость на продвижении не отражается. А тем, кто не мог

освоить даже начальный курс наук, не выдавалась так называемая «венечная память» – разрешение на женитьбу.

Так что в петровские времена заявление фонвизинского недоросля Митрофанушки: «Не хочу учиться, а хочу жениться» было бы оставлено без внимания. Не выучившись, жениться было нельзя.

В 1704 году Пётр сам распределил детей «самых знатных персон» на службу. До шестисот молодых князей Голицыных, Черкасских, Хованских, Лобановых-Ростовских и прочих было расписано солдатами в гвардейские полки. Многие из них тянули лямку наравне с простолюдинами, и это давало хорошую физическую и моральную закалку.

Главное же – впечатляющими были результаты.

Известный историк эпохи профессор Николай Николаевич Молчанов сообщает, что в своё первое путешествие в Европу в 1698 году Пётр нанял для работы в России свыше тысячи человек. И подавляющее большинство приглашённых составляли офицеры. А в 1717 году, во время своего второго крупного официального визита на Запад, Пётр пригласил около пятидесяти человек, и это были архитекторы, скульпторы, ювелиры, учёные.

За двадцать лет потребности России в командных, инженерных и промышленных кадрах возросли многократно. Однако теперь они удовлетворялись за счёт внутреннего, так сказать, «продукта». Одна эта деталь говорит о том, какими были масштаб и размах петровского преобразования Рос-

сии!

Думаю, многие из этих воспитанников эпохи Петра – если бы они оказались в СССР времён бурного и деятельного социалистического строительства – так же пригодились бы России Ленина и Сталина, как они пригодились России Петра Великого!

КАК МЕНЯЛОСЬ интеллектуальное (не официальное, а именно интеллектуальное) восприятие России в Европе второй половины XVII – начала XVIII века, можно понять на примере великого немецкого математика и философа Лейбница.

За два года до рождения Петра, в 1670 году, Лейбниц разработал план создания Европейского союза во имя вечно-го европейского мира. Каждая великая европейская держава должна была получить свою зону экспансии вне Европы. Ссориться друг с другом впредь не разрешалось, как не рекомендовалось и нарушать «эксплуатационные нормы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.